

Любовь Хилинская

Научи меня

ЛЮБИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Александровна Хилинская

Научи меня любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69363457

SelfPub; 2023

Аннотация

Верите в любовь с первого взгляда? А с первого нюха? Когда мурашки ползут по коже, едва ты ощущаешь запах понравившегося человека... Я писательница любовных романов, и я в эту чушь не верю. Не верила, пока не встретила Дениса Милованова, что нагло скомкал мой привычный мир, влез в него и заставил влюбиться, подарив пару недель восторга и напоминание о себе в виде сына, о котором никогда не узнает.

Содержание

Пролог	4
1	9
2	15
3	21
4	26
5	33
6	39
7	45
8	54
9	61
10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Любовь Хилинская

Научи меня любить

Пролог

– Ну что, Денис Артемович, ты настроен сегодня на три «б»? – Козинский захохотал, хлопнув приятеля по плечу. – Бабы, блядство и баня. Все, как мы любим.

Он был весел и доволен – курс по углубленной технике в области хирургической стоматологии прошел успешно, собрав около тридцати слушателей, заплативших как за само обучение, так и купивших у его компании оборудование и расходные материалы на внушительную сумму.

– Не сегодня, Юр, – устало потер переносицу его собеседник, скручивая провод от ноутбука. – Что-то последние дни чувствую себя как выжатый лимон.

Денис Артемович Милованов, талантливый спикер и не менее талантливый врач в области хирургии полости рта и зубов, поднялся со стула, поднял вверх руки, потянулся, отчего заправленная в синие джинсы рубашка вылезла, оголяя кожу живота.

– Так как раз баня и поможет! – продолжал настаивать Козинский. – Девки тебя так разомнут, забудешь об усталости. Полетишь в Москву, будто на курорте побывал! У нас тут

есть бассейн с подогревом, сядешь там как японская макака, отмокнешь, красота! А хочешь – в горы рванем? Снег уже растаял, конечно, но там такой воздух – закачаешься! Пара дней в Сочи – и ты огурец!

– И бабы? – подначил его друг, начиная улыбаться, отчего на правой щеке проглянула ямочка.

– Ну конечно, Дэн! Ну куда без них-то? Вот станем старперами, тогда не до баб будет, а пока хер стоит, надо пользоваться, – решительно кивнул Юрий и хлопнул друга по плечу. – Соглашайся.

– Слушай, я пас, Юра. Чет неохота ни баб никаких, ни бассейнов. Устал я. Поеду в отель, лягу спать, а вечером просто прогуляюсь. Трижды был в Геленджике, и ни разу еще тут пешком не ходил. Все бабы твои! – покачал головой Милованов, зевнул и потер переносицу.

– А ты не заболел ли часом? – Козинский нахмурил брови и приложил ладонь ко лбу Дениса. – Да нет, лоб холодный. Так, дай-ка гляну седые волосы, не появились ли? Может, виагры?

– Отстань! – отмахнулся мужчина. – Просто устал. Ну и бабы твои надоели, тупые, как пробки, поговорить не о чем.

– Ты не наговорился, что ли? Два дня лекцию читал. Я б охрип! Ну и потом, бабы не для разговоров, Денис. Они для другого. И еще вчера тебя все устраивало, а сегодня что? Может, библиотекарьшу тебе найти? Будете с ней устраивать вечера поэзии.

Денис нервно дернул щекой. Он и сам не знал, что с ним. Тридцать шесть лет, успешный стоматолог, полгода назад начал читать лекции врачам, делиться опытом, наработанными навыками, ездил несколько раз в южный регион именно за этим, и каждый раз возвращался в Москву с выжатыми насухо яйцами, полным кошельком, довольный и счастливый, а сейчас внезапно понял, что остопротивело все, захотелось просто отдохнуть без улыбающихся девок-однодневок, лица которых и имена он не старался отложить в памяти. Порой он с тоской вспоминал студенческие времена, когда даже во время гулянок находились темы для беседы, теперь же испытывал голод по собеседнику. Или собеседнице. Может, и правда библиотекаршу найти?

– Слушай, готов поспорить, что ты уже через пару часов пожалеешь, что отказался! – Козинский помог сложить бинокляры в футляр, подхватил сумку с ноутбуком Дениса и пошел к выходу.

– Не пожалею, – пожал тот плечами в ответ, направляясь следом. – Сейчас отдохну в отеле, а потом пойду по городу прогуляюсь, хоть набережную вашу посмотрю.

– Спорим? – Юрий резко обернулся на друга. – Давай пари заключим? Проигравший... ну, скажем, проигравший оплачивает неделю отдыха на Мальдивах все включено?

– Спорим на что? – усмехнулся Денис. – Что я сейчас лягу спать, а потом просто погуляю?

– Нет, что ты не способен на отношения с серьезной ба-

бой. Тебе тридцать шесть лет уже, Дэн, ты старая больная обезьяна, то есть, я хотел сказать, молодой жеребчик, который нормальную бабу, то есть, женщину, больше недели не выдержит. Это ж разговоры разговаривать, потом она холодильник новый захочет, ну или что там они хотят, потом детей. Ты представь, что тебе всучат вечно оружий и в говне комок человека. Противно? Мне да.

Козинский театрально передернулся и состроил кривую мину, давая понять, что именно думает обо всем этом. Он был из тех парней, которые нравятся девчонкам. Этакий плохиш с замашками Казановы, избалованный женским полом донельзя.

– У меня вообще-то сестра недавно родила, – снова пожал плечами Денис. – Так что я нормально к детям отношусь. Ну и потом, при чем тут нормальная женщина? Я что, по-твоему, только трахаться с ними могу? Думаешь, я не способен на серьезные отношения? Или ты считаешь, они все тупые как пробки?

– Тебе тридцать шесть, Денис, – протянул ехидно Козинский.

– И что? Ты это так говоришь, будто мне пятьдесят. Тебе самому-то сколько?

– Мне тридцать восемь, и я жениться и вообще ввязываться в отношения не собираюсь. Спасибо, в институте был женат, хватило. Не мое это. И не твое. Мы с тобой одинаковые. Так что иди отдыхай в отель, а вечером я позвоню, поедем в

клуб, познакомимся с кем-нибудь, развлечемся. Или пари?

– Иди в жопу! – мрачно ответил ему Денис, хмуря брови и нажимая кнопку вызова лифта. – А я спать.

1

Не люблю летать. Бесят залы ожидания, бесят толпы людей, и сами самолеты тоже бесят. В этот раз впервые решила попробовать бизнес-класс, о котором раньше слышала только хорошее. Протискиваясь между рядами кресел, украдкой оглянулась – эмансипация эмансипацией, а впихнуть рюкзак на верхнюю полку мужская помощь бы не помешала. Но, как назло, следом за мной шла пожилая пара, усевшаяся в креслах впереди, и девушка с ребенком. Ни одного хоть сколько-нибудь подходящего помощника не видно.

Придется пыжиться самой. И вот что мне стоило сдать это в багаж? Лечу ж не эконом-классом по промо-акции, а с включенными килограммами, но решила, что возьму вещи в салон, чтобы по прибытии быстренько шмыгнуть на такси и домой, избегая толп на выдаче багажа.

Поднимая рюкзак вверх, ощущала, как дрожат руки, и внезапно задрожали и ноги – сзади кто-то пристроился в весьма фривольной позе, прижимаясь бедрами к моим ягодицам, а свои руки – мужские! – положив по обеим сторонам от моих на коричневую ткань потрепанного рюкзака. Ноздри обдало запахом парфюма, ударило в голову, разбежалось по нервам мелкими мурашками. Я даже не успела возмутиться, как мои вещи впихнули на место хранения и пошли дальше.

Повернув голову, увидела, как мужчина садится на кресло

у иллюминатора в соседнем ряду, но лица не рассмотрела – линзы я не надевала, чтобы поспать в пути, а очки водрузила на голову, когда заходила в самолет. Ладно, во время полета точно смогу полюбоваться на этого джентльмена.

Мое писательское воображение моментально нарисовало, что он красавчик, и вообще того типажа, что я люблю – смуглый и черноволосый. Ну должно ж мне хоть в чем-то повезти? И почему он не рядом сидит?

Так, ладно, сейчас предстоит пережить самое неприятное – взлет, потом можно вздремнуть, а на посадке я еще обычно сонная, и поэтому не так страшно. До жути боюсь летать.

– Девушка, а вы не поменяетесь со мной местами? – внезапно осведомился кто-то вкрадчивым голосом.

Резко вскинув голову, увидела молодую женщину, крепко держащую за руку девочку лет восьми.

– Простите, – добавила она, – просто я покупала билеты в самый последний момент, и мест рядом уже не было. Если вы не против, конечно.

– Я не против, – пробормотав, поднялась, мысленно поблагодарив конструкторов салона этого класса – места между креслами было предостаточно. – А где ваше место?

– Вон! – махнула рукой женщина. – Спасибо вам огромное! Просто не представляю, как ребенка посадить одного.

– Да, конечно, не переживайте. – Я иду между рядами, и замечаю, что мое новое место оказывается как раз рядом с тем мужчиной, что помог мне.

Отчего-то сердце начинает колотиться как бешеное, и я, буркнув «здрате», совсем не грациозно плюхаюсь в кресло рядом с ним. Теперь я буду сидеть не у иллюминатора, но, может, оно и к лучшему, так бояться придется меньше.

Однако, едва огромная железная махина начинает разгон, как глаза сами против воли закрываются, я вцепляюсь в ручки кресла до боли в пальцах, а в голове начинаю петь дурацкую песню. «Траля-ля-траля-ля-траля-ля-ля-ля» – бубню мысленно, лишь бы не упасть в обморок, как внезапно руку мою накрывают теплые пальцы.

Удивленно поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с зеленовато-карими глазами, что смотрят без улыбки.

– Моя сестра тоже боится летать, – говорит мужчина. – И ей всегда помогает, если держать за руку. Чувствуете, как легчает?

Я чувствовала. Мне не просто полегчало, мне хотелось немедленно снять трусы и тут же предаться разврату с этим красавчиком. Отчего-то организм отреагировал подобным образом на стресс, и я просто молча пялилась на его губы, что шевелились сейчас, что-то говоря, затем изогнулись в улыбке, на правой щеке появилась ямочка. Господи, есть же красавчики на свете! Наверняка он прочно женат и с тремя детьми! Или гей! Такие одиночками точно не бывают!

– Вы по делам в Геленджик или отдохнуть? – наконец, до моего сознания доходит вопрос, что задал этот сладкоголовый Апполон, и я размыкаю губы, чтобы ответить.

– Живу там я. – Господи, откуда такое косноязычие?!
Словно магистр Йода!

– Вот как, – он кивает. – Наверное, любите это место? Я там был уже несколько раз, но никак не удается посмотреть город, прилетаю по делам и ненадолго. Может, в этот раз получится прогуляться. Что советуете посмотреть?

– Набережную! – чувствуя, что горло пересохло, прошу у стюардессы воды и жадно присасываюсь к стаканчику.

– Хм... – задумчиво хмыкает мужчина. – Меня, кстати, Денис зовут, а вас?

– Настя, очень приятно, – бормочу снова смущенно.

В обществе красивых мужчин я всегда теряюсь. Наверное, потому что они не для меня. Я не зажигательная красотка вовсе, обычная девушка, которая не претендует на внимание подобных экземпляров. Более того, я считаю, что с ними каши не сваришь, слишком уж те избалованы вниманием. Но сейчас мы болтаем ни о чем, и мне просто приятно. Здорово, расслабленно, и вовсе без всякого напряжения.

Три часа полета проходят как единый миг, приходится с сожалением признать, что скоро я заберу свой рюкзак, выйду из здания аэропорта и навсегда оставлю в своей памяти кусочек этого дня.

– Настя, оставишь свой номер? – Денис улыбнулся мне у трапа, когда помогал нести рюкзак до автобуса.

– Не знаю, – я и вправду не знаю. – Хочешь еще раз встретиться?

– Почему нет? – он вскинул левую бровь и снова улыбнулся, являя свою чертову ямочку на щеке, которую хотелось зацеловать. – Покажешь мне город, как местная жительница. Говорят, тут набережная шикарная! – он подмигивает, и я начинаю улыбаться в ответ.

– Пиши! – решительно диктую номер, тут же получаю звонок на свой телефон и благополучно сажусь в автобус.

Мы молчим, пока стоим в толпе друг напротив друга, я изучаю шею своего попутчика, опасаясь поднять глаза, чтобы не утонуть в янтарной зелени и не влюбиться внезапно и навсегда, а он тоже не спешит что-то говорить, набирая сообщение в телефоне одной рукой, второй держась за поручень.

Выходим из здания аэропорта вместе, и я уже было насмеливаюсь пригласить его к себе в гости... Ну, не знаю, чтобы набережную ему показать, что ли, как он машет кому-то рукой.

– Меня встречают, Насть, поэтому до встречи! – говорит мне и отходит к черной машине, что уже ждала неподалеку от трапа.

Вот же блин! Ну и лопух ты, Настя!

Замерев на месте, провожаю взглядом отъезжающий автомобиль и прихожу в себя только от голоса таксиста:

– Куда едем, красавица? – улыбается он золотыми зубами, поправляя на голове кепку. – Давай свой чемодан, э? Домчу с ветерком!

– Спасибо! – сухо отвечаю, сквозь стекла очков разглядывая расплывающийся вдали черный бампер. – Я на автобусе.

Таксист потерял ко мне интерес тут же. Цокнув языком, он полетел окучивать следующих пассажиров, уже выходящих из дверей аэропорта, а я поплелась к остановке. На душе отчего-то было паршиво и мрачно, ощущалось, будто случилось что-то гадкое или грустное, и даже кофе, купленный в киоске, не смог прогнать эту мерзостную стыть из души. Может, это мое одиночество так дает о себе знать?

– Тебе тридцать пять, Настя, пора бы уже перестать верить в сказки, – бормочу я мысленно, давая себе оплеуху. – Счастливые финалы есть только в твоих романчиках о любви, а в жизни прЫнц уезжает на черной машине, махнув на прощание рукой – встретимся когда-нибудь. Эх!

Усевшись в автобусе на любимое место, я еще раз грустно вздохнула, а затем сделала над собой усилие и принялась сочинять новый сюжет очередного романа. Пусть главный герой будет такой вот, как этот Денис, а героиня... Ну да, героиня пусть будет как я! И они поженятся в конце и родят семь... нет, десять детей родят! Тьфу, гадость какая! Придет же такое в голову! Так, Настя, успокойся! Никаких детей они не родят, ну или одного-двух, но до этого пусть как следует помучаются!

2

Как девочки влюбляются? Ну, когда они еще подростки? Достаточно увидеть певца или актера, который нравится невероятно, и вот они уже строят планы, как напишут ему письмо, и он ответит, и прилетит, и умчит их на корабле с алыми парусами. Тетеньки так не влюбляются. Нам уже не хватает щенячьего восторга, поэтому спустя три дня я поняла, что с Денисом мне ловить нечего. Он не позвонил. Скотина, конечно, не без этого, но, с другой стороны, так даже лучше, ибо я подозревала, что у нас бы сначала дошло до секса, а потом до моей тоски по несбыточным мечтам. На всякий случай укукошила в своем романе одного главного героя, сделав его максимально на этого самолетного засранца похожим. Читательницы вскипели праведным гневом – как так, они только настроились, что он будет мучить бедную героиню все триста страниц текста, а в конце женится и станет кротким агнцем в ее ласковых руках. Но нет, я была злым автором на тот момент, ну и прикончила в муках героя, выдав героине другого, который нежно и трепетно носил ее на руках. Читательницы тогда разделились на два лагеря, одни говорили, что так и надо козлу, нечего бедных девочек мучить, другие решили, что автор спятил, и чем такой генофонд в могилу совать, лучше б к психологу сходила и нервишки проверила. И полечила, если там мозг хотя бы в

зачаточном состоянии у нее, то есть, меня, имеется. И что мне было делать? Я самоустранилась, когда дописала финал, предоставив девчонкам самостоятельно в комментариях разбираться.

Прошел месяц. Ну почти. Наступил апрель, зацвели деревья, Геленджик стал похож на невесту в кипенно-белых шапках цветов, распустились нарциссы, столь же прекрасные, сколь и вонючие (автор нисколько не привирает, эти красивые цветы нереально пахнут дерьмом – прим.авт), одуванчики, море прогрелось настолько, что некоторые смельчаки в нем рисковали плавать.

Я любила это время года. Когда несколько лет назад внезапно сменила место жительства и специальность на это вот все, не ожидала, что попаду в такую сказку. Летом юг пестрит туристами, а вот весной их еще нет, можно гулять по набережной, вдыхая ароматы морского бриза и пицундской сосны, любоваться бликами солнышка на поверхности темных волн, кормить почти ручных белок возле пансионата «Приморье», ну и вообще, наслаждаться своей жизнью и работой, не привязанной к графику. Я вольная птица, если накапывает уныние, просто гуляю, набираясь вдохновения, чтобы потом за три недели выдать что-нибудь интересное читателям.

Обычно у меня не бывает приступов меланхолии, я просто постаралась исключить из своей жизни все негативные факторы, ведущие к этому состоянию. Раньше я жила совершенно другой жизнью в совершенно ином месте. Когда вне-

запно решила бросить все в буквальном смысле и переехать, многие мои знакомые, малознакомые и вовсе не знакомые крутили пальцем у виска, мол, у бабы крыша поехала, пророчили мне нищету, алкоголизм и прочие прелести свободной жизни.

Писательницей я стала случайно. Обычно девчонки представляют себе успешную карьеру где-нибудь в офисе, в аврале, и я поначалу также, только в университете, где училась. Осталась в аспирантуре, вела пары у студентов, писала диссертацию, и в один прекрасный или не совсем момент поняла, что надоело хуже зубовного скрежета. Маленький город далеко в Сибири, где климат мерзкоконтинентальный – девять месяцев зима, потом межсезонье, вжухает лето и снова зима. Варезки из шерсти, штаны из нее же, делающие круглую попу похожей на старый валенок, шапка по брови и шарф по глаза. А еще шуба и унты, потому что даже в сапогах ноги мерзли жуть как. И вечно гундящая над ухом мама, требующая внуков, зятя и дачу по выходным.

Ну разве это жизнь? «Сначала они на телевизор копить будут, потом на стиральную машину» – как говорила героиня Муравьевой в одном из советских фильмов. Совсем не так я себе представляла семью. И однажды написала роман. Делала это в перерыве между собственной учебой и обучением студентов, стуча пальцами по клавиатуре словно сумасшедшая секретарша, оставалась на кафедре допоздна, чем вызвала доверие завкафа, что начал приводить меня в пример

другим аспирантам. А я что? Вместо диссертации за два месяца написала роман о любви. Казалось бы, ну что там можно такого изложить нового, чтоб понравилось? А ведь получилось! Робко выложив на одном портале самиздата ночью (ну чтоб сильно не разочаровываться, и если будут гневные комментарии, то прочесть их постфактум) свое произведение, я проснулась утром с двум тысячами лайков к книге. Она неожиданно взлетела в топ, и мне сразу же присвоили коммерческий статус, позволяющий продавать свои опусы. И даже денег дали. Ровно семьдесят тысяч рублей за первый месяц. И официальная зарплата пришла десять с копейками. То есть, в сумме я заработала чуть больше восьмидесяти тысяч за тридцать дней, причем, большую часть из них мне выплатил портал самиздата. Нехило так, да?

Два года я разрывалась на два фронта. Днем писала диссертацию, а ночью книги. Мои героини любили, мечтали, встречались, расставались, рожали детей, внуков, изменяли и так далее, все, что только можно придумать в отношениях между мужчинами и женщинами, а я сама была страшно одинока – времени просто не находилось ни на что другое. Правда, была у меня подружка-выручайка, Юлька Сомова, с которой мы познакомились в женском туалете, где у нее прихватило живот, а в кабинке не оказалось туалетной бумаги. Мне пришлось выдать ей отмотанный кусок, просунув руку под стенкой, а потом пить благодарственный кофе, выслушивая бурный рассказ о том, как она пыталась не по-

ехать на дачу к свекрови, а для того выпила молока, закусила селедкой и отполировала черносливом. Муж с мамой уехали окучивать грядки, а Юлька направилась тратить нажитое непосильным трудом в ТРЦ Геленджика, чтобы там познакомиться со мной в туалете. С тех самых пор, а это, без малого, почти три года, жили мы душа в душу, и даже ни разу не конфликтовали, хотя Сомова обладала взрывным характером и темпераментом бешеной крокодилицы в период гона. В последнее время, правда, Юлька сменила статус с просто замужней дамы на мать младенца, и времени на встречи у нее стало гораздо меньше. Приходилось ждать взросления мелкого, чтобы продолжить наши девичьи посиделки как в старые добрые времена.

Я ж в этот раз ей даже не рассказала про Дениса, будь он неладен, что я его вспомнила опять! Как-то глупо в собственных глазах выглядела эта тоска по парню, которого я видела только один раз. Я ж даже запретила себе искать его в соцсетях, хотя в первый же день после прибытия увидела вывеску возле одной из клиник с рекламой спикера Милованова. Вот он кто, оказывается. Успешный стоматолог, красавчик и просто харизматичный тип. И бабник наверняка. У него таких Насть миллион и еще половинка. Смысл звонить случайной попутчице?

Но он-таки позвонил. Именно тогда, когда я вообще этого не ожидала. У меня как раз кипела бурная жизнь между героями в романе, я описывала момент, как героиня отшивает

навязчивого герцога, как вдруг...

– Але! – рявкнула в трубку, даже не глядя, кто звонит.

В голове моей сейчас происходила сцена с удушением наглого типа, посмевшего предложить секс юной деве. Ну и что, что он драконнорожденный герцог, будущий наследник короля этой страны и вообще няша?

– Насть, привет! – чуть хрипловатый тембр голоса Милованова заставил меня громко сглотнуть едва не вырвавшееся «потом перезвони», и выдохнуть:

– Привет.

– Я тут в Геленджик прилетел, пару дней точно буду. Хотел позвать тебя по набережной прогуляться, помнится, ты говорила, что она у вас тут шикарная. Пойдешь?

«А она не одна придет, она с кузнецом придет!» – прозвучал ехидный внутренний голос в голове.

– Эм... Ты в Геленджике? – тупо переспросила я, глядя, как строчки на экране ноутбука расплываются.

– Да, и весь в твоём распоряжении, – заулыбался мой невидимый собеседник. – Ну так что, готова ли ты стать моим проводником в мир южного колорита?

«А зачем нам кузнец? – продолжал все тот же внутренний голос. – Нам кузнец не нужен! Что я, лошадь, что ли?!»

3

« – Это что такое? – грозным голосом осведомился Его Светлость герцог Лернийский, брезгливо глядя на чумазое лохматое существо, что сейчас перебирало босыми ногами, не в силах вырваться из рук деревенского старосты, глядя исподлобья сквозь патлы давно невымытых волос на правителя этих земель.

– Это девственница, сэр! – заискивающим тоном произнес в ответ мужичонка, подталкивая существо, в гендерном принадлежности которого Лернийский сомневался. – Вы потребовали, и мы вот... сподобились найти.

– А что, других не было? – протягивая руку и впиваясь сильными пальцами в плечо попытавшейся шмыгнуть мимо него «девственницы», поинтересовался герцог.

– Никак нет, сэр! – потупился староста и даже как будто покраснел. – Понимаете, свадьбы прошли, Ивана Купала был недавно, вот они и тогось... Брюхаты все уже, сэр!

– Мда... – герцог наклонил голову, с брезгливостью разглядывая девчонку, что ростом оказалась ему ниже плеча, была худа и до невероятности грязна. Ну и пахла, соответственно, отнюдь не розами. – Откуда вы ее вытащили, из хлева, что ли? – максимально вытягивая руку, чтобы, не дай бог, никакие насекомые не попрыгали с этой «девственницы» на его костюм, Лернийский вперил в старосту свой взгляд, и

по вытягивающемуся вертикально зрачку тот понял, что Его Сиятельство изволит гневаться.

– Так и есть, сэр. Это ж приبلуда, на дороге нашли несколько лет назад, сэр, младенцем. Ей уже восемнадцать, наверное, а кто такую замуж-то возьмет, ишь какая дикарка? Ее наш кузнец приютил, пустил к себе в хлев, она там за скотиной смотрела. Да помер Микитич-то в том годе, девка одна осталась. Одичала пуще прежнего. Вы уж не обессудьте, возьмите ее. Какая ж разница-то, какую жрать...

– Что? – громовым голосом поинтересовался герцог, брови которого поползли вверх. – Жрать?

– Ну... это... вы извиняйте, если что не так-то.... – староста попятился, кланяясь. – Да только обратно нам эту девушку некуда, в дом кузнеца мы уже другого мастера взяли. Вы уж заберите ее, пусть у вас тут... Извиняйте, если что!

Герцог перевел взгляд на существо, именуемое гордым словом «девственница». Неудивительно, при таком-то наряде, да поведении. Она вообще разговаривать-то умеет?

– Как тебя зовут? – спросил грозным голосом.

– Не твое собачье дело! – ответила девственница и цапнула изо всей силы Лернийского за запястье, впиваясь острыми зубами до крови в драконью плоть.

– Ай! – от неожиданности тот выпустил эту нахалку и, сжав кровоточащую руку ладонью, смотрел, как девица, смешно подкидывая чумазые пятки, бежит к лестнице в башню.

– Ваша Светлость! – ахнул подоспевший дворецкий. – Что ж за дикарка-то?

– Занятно, – заметил дракон, хмыкая. – Весьма занятно»...

Отложив ноутбук, со вздохом я посмотрела в окно. Ну никак новый роман из меня не лез. Вроде, и образы его крутились в голове, и фразы сами собой тоже, а стоило только сесть писать, как слова будто покидали голову, и вместо этого я принималась думать о предстоящем свидании с Денисом. Мы с ним договорились встретиться сегодня в семь вечера на набережной, и уже там решить, куда будем гулять. Сначала направо, потом налево, или наоборот. Я даже трусы новые распечатала. Не то чтобы я собиралась отдавать свою честь девичью прямо сегодня, но чем черт не шутит, вдруг получится оказия. Интересно, а ресницы красить? А у меня вообще есть, чем? Оказалось, что нет. Смысл одинокой писательнице иметь в своих закромах декоративную косметику? Нет, у меня были пудра и румяна, они не портились. Наверное. А вот тушь высохла напрочь, и ею сейчас разве что дерево можно было раскрасить, а никак не человеческие ресницы. Пришлось топать в ближайший магазин и затариваться косметикой. К счастью, хоть одежда была. Вернее, что может быть лучше старых добрых джинсов, спасибо, высшие существа, их изобретателям, кроссовок и обычной белой футболки? Ну вот и я подумала, что платье. Влезла в него. Мда... Отрастила ты, Настя, бока-то за зиму!

Зеркало отразило не девушку, а гусеничку с валиками в том месте, где у приличных людей имеется талия. Весы тоже оказались в стоворе с платьем – шестьдесят девять! А ведь осенью было только шестьдесят три!

«Это все пончики твои! – ехидно пропел внутренний голос. – От одного ничего не будет, от двух я не разжирею! Вот, полюбуйся теперь на себя!»

Так, судя по всему, худеть уже поздно. Сколько там до обозначенного времени? Три часа? Ну нет, даже пресс качать поздно. Придется вместо праздничных трусов надеть утягивающие. Такие у меня тоже были, правда, когда я их покупала, была, видимо, не в себе. Кто в здравом уме будет носить это пыточное сооружение, которое впивается в тело в самых неожиданных местах? Мы в них с Юлькой в театр в Краснодаре ходили. Вернее, я в них, а Юлька на тот момент еще была тонка и звонка, как тростинка. Она без трусов ходила. Без утягивающих, вернее.

Пыхтя, я натянула исподнее, которое заканчивалось аккуратно под грудью и скептически оглядела себя в зеркале. Так себе преобразование. На троечку. Да, валиков не стало, зато теперь задница перетянута прям посередине, словно сосиска. Если Денис решит меня за нее ущипнуть, ему сначала придется пробраться под трусы. Тьфу! Вот поэтому я и не хожу на свидания.

С другой стороны, а кто вообще сказал, что это оно? Меня пригласили в качестве экскурсовода по городу, а не девушки

для любви. Так что сниму-ка я эти трусы и футболку надену оверсайз. Под ней вообще непонятно, пятьдесят во мне кило или семьдесят! Какая мода хорошая нынче, а?!

В итоге, к обозначенному времени я успела не только трижды накраситься и смыть макияж, каждый раз видя в зеркале профурсетку, но еще и понять, что прямые волосы необходимо завить, а кудрявые распрямить, ибо кудри те получились такими, как... Ну, помните тетенок с перманентом? Вот такое вот у меня на башке и случилось. Россыпь мелких кудряшек. Пришлось мыть голову буквально за полчаса перед выходом, попутно размазав стрелки, которые я до этого почти час рисовала, психануть, смыть вообще все, потом заново нанести тон и едва тронуть тушью ресницы. Если кому не понравится, то я не виновата! Держись, Денис Милованов, я иду к тебе!

4

К месту свидания старалась не спешить.

Геленджик – город маленький, и основная жизнь там сосредоточена в области набережной. Она у нас красивая, длинная, можно гулять весь день, и всю ее не успеть обойти. Я жила в районе Толстого мыса, а встретиться мы договорились почти в центре, так что пришлось выходить заранее. Можно было, конечно, вызвать такси, да только я в волнении вспомнила о существовании этого вида транспорта только в тот момент, когда уже спустилась к морю.

Весенний ветерок тут же подхватил мои распрямленные невероятными усилиями волосы, уложил их в одному ему ведомом беспорядке, бросил прядь в лицо, затем, играясь, ударил в затылок.

Ища глазами в толпах людей знакомое лицо, спешила к месту встречи, стараясь сильно не ускоряться, чтобы не покраснеть от бега и не выглядеть спринтером с языком на плече. Ну и вообще, опаздывать женщинам можно. У нас же не деловая встреча, а почти свидание, так что могу и буду.

– Ой, дурак! – услышала я чье-то восхищенное восклицание, раздавшееся в сумерках от самой кромки воды.

Темнеет на юге быстро, кажется, что еще совсем светло – и вот уже солнечный диск утонул в морских волнах, и только искусственное освещение остается до самого утра, позволяя

не блуждать путникам во тьме.

Интересно, о ком это? Наверное, кто-то рискнул искупаться, хотя сегодня холодновато. На улице днем было не больше пятнадцати градусов, и вода примерно столько же, или даже меньше, поэтому нырнуть туда может либо отчаянный смельчак, либо подготовленный морж. Ну или кто-то совсем безголовый.

– Да тащи ее, тащи! – опять раздался тот же голос.

Ого! Там, похоже, кого-то спасают. Интересно, и где Денис? Или он тоже решил себе позволить опоздать? Повертев головой в разные стороны и не обнаружив мужчину, решила глянуть, что происходит. Может, помощь нужна? Вообще, я плаваю очень ловко стилем топора, но мало ли, вдруг чем сумею подсобить.

Спустившись к самому берегу, увидела троих не вполне трезвых людей, кучку одежды рядом, и кого-то, плывущего в волнах.

– Ты погляди, а! – восхищенно цокнул языком один из парней. – Схватил-таки. Повезло псине.

– А что случилось? – подошла я ближе, вглядываясь в пятно в море.

– Да идиот какой-то то ли пса пришел топить, то ли щенков. Ну вот мужик и кинулся. Видишь, мешок тащит?

Я видела, что что-то тащат, но разглядеть в темноте, да с моим не стопроцентным зрением было сложновато.

– А как он так далеко оказался-то? С причала кидали, что

ли?

– Догадливая какая! – пожал плечами один из парней.

Они, негромко переговариваясь, ушли, а я осталась стоять, глядя, как спаситель собак приближается к берегу. Вот он встал в полный рост, держа мешок на весу, и пошел в мою сторону. С каждым шагом, приближающем мужчину ко мне, я понимала, почему не видела Дениса на условленном месте – спасителем псов оказался он.

– Привет! – стуча зубами, он опустил в песок на колени и принялся развязывать узел на мокрой мешковине. – Идиот какой-то щенков в воду кинул.

– Давай, помогу! – я тоже опустилась на колени, и вскоре наши усилия увенчались успехом – мешок оказался раскрыт.

Внутри было два щенка, и оба без признаков жизни. Денис схватил одного, приложил ужо к животу, затем то же самое проделал со вторым.

– Делай, как я! – приказал он, переворачивая маленькое существо брюшком вниз и надавливая пальцами на область груди.

Из ротика животного полилась вода, с каждым толчком ее становилось все меньше. Я делала то же самое, ощущая, что сердце от боли бьется где-то в районе горла, а из глаз текут слезы. Как можно быть таким жестоким? Это ж живые существа!

Денис делал массаж сердца сначала одному щенку, потом второму, так как от меня толку было маловато, и в результате

удалось добиться, что один из песиков зашевелился. Тельце второго же было безнадежно мертво.

– Без шансов, – обреченно выдохнул врач, беря свою куртку и закутывая в нее живого песика. – Держи. Оденусь. Блядь!

Оставаясь на коленях, я прижала к себе дрожащее тельце, выдыхая прямо на лобик щенку, чтобы согреть его, поглаживая черный маленький носик пальцем, и плакала, так как второго не удалось спасти.

– Пойдем, – Денис тронул меня за плечо. – Давай похороним второго где-нибудь. Не бросать же тут. А потом надо в ветеринарку, отдадим спасеныша туда, пусть лечат.

Естественно, ни о каком свидании уже не шло и речи. Мы сначала долго шли вдоль берега, я все также держала живого щенка, мужчина нес мёртвого, затем он выкопал ямку с помощью какой-то ветки, уложил туда трупик, прикрыл песком и камнями, сполоснул руки в море и подошел ко мне.

– Ну чего ты? – притянул к себе мое вздрагивающее тело. – Ну хоть одного спасли.

Я уже не сдерживаясь завсхлипывала и уткнулась носом в его плечо.

– Жалко щенка! – пробубнила глухо. – Как можно так делать?

– Ты знаешь круглосуточную ветеринарку тут? Есть такие вообще? – Денис после купания явно замерз.

В свете фонарей я видела его покрытые мурашками руки,

мотнула отрицательно головой, тихонько разматывая пригревшегося песика и засовывая к себе за пазуху.

– Надень куртку, заболеешь! – отдала ему его одежду. – Надо погуглить, есть ли такая клиника, я не знаю. У меня нет животных.

– Дай-ка посмотрю, – он бесцеремонно заглянул мне за пазуху, где завозился спасенный малыш. – Может, и не надо ему в ветеринарку. Ты далеко живешь? Пойдем к тебе, посмотрим, что там, может, и обойдется без врача.

Я чувствовала себя совершенно разбитой и опустошённой. Однажды у меня была собака, пудель Джессика. Ее взяли, когда мне только исполнилось четыре, и мы росли вместе. Любимейшее существо, добрейшая псина, она ушла за радугой, когда я училась на втором курсе института. До сих пор щемило сердце при воспоминании, и с тех пор желания заводить кого-то из животных не было. Очень сложно переживать их уход.

Мы пришли к моему дому, поднялись на лифте, вошли в квартиру, и Денис тут же по-хозяйски полез к моей кровати, взял покрывало, чтобы закутать в него щенка, затем прошел в кухню и открыл холодильник.

– Ты чем питаешься вообще? – оглядев скептически полки, хмыкнул. – Ничего стоящего для собак.

– Ну вообще-то я не рассчитывала, что сегодня у меня в гостях окажется стоматолог со щенком! – вяло огрызнулась я, вешая куртку на вешалку и проходя следом за ним в кух-

ню. – Молоко есть, могу подогреть для него.

– Это она, – заулыбался вдруг Денис. – Сучка. Мелкая такая, не больше трех недель. Глаза только открылись. Надеюсь, не промерзла сильно, а то придется все же к врачу вести. Давай молоко.

Я молча достала пакет, налила в кружку и сунула в микроволновку, чтобы подогреть. Но усилия напоить щенка успехом не увенчались – слишком мала была эта несчастная собачья дочь, и пить еще не умела.

– Соску надо, – огорченно цокнул языком Денис. – Есть соска?

– Ты видишь тут детей? – хмыкнула я. – Тут магазин есть недалеко и аптека, давай, схожу.

– Давай, я сам. Скажи, где, я быстро.

Он ушел, оставив нас вдвоем. Уложив щенка на диван возле подушки, я пошла в ванную. Ну так и есть – тушь растеклась от слез, превратив меня в панду, глаза покраснели, волосы оказались всклокочены. Красавица! Отворотясь не насмотришься, как бабушка говорила.

В тот момент, когда я закончила приводить себя в порядок, щенок подал голос. Он плакал тоненько и горько, отчего сердце мое снова защемило. Подхватив собаченыша на руки, прижала к себе, тихонько бормоча всякую чуть, погладила носик, подсохшую белую шерсть, почесала за ушком.

– Где ж носит Дениса? – обратилась вникуда. – Может, он вообще ушел после такого? Бросил меня с ребенком, –

и засмеялась над своей же шуткой. – Нет, он на такого не похож.

Но все же с облегчением выдохнула, услышав дверной звонок. Вернулся!

5

Денис вернулся с огромным пакетом в руках.

– Заскочил и в супермаркет и в ветеринарку, у тебя прямо в доме есть, оказывается, – пояснил он мне, извлекая жестом фокусника какую-то банку и соску для щенка. – Для них и смеси есть специальные, представляешь? Я и не знал. Сейчас накормим животное, а потом нас с тобой. Ты не против такого порядка?

– Замечательное свидание! – буркнула я, наблюдая, как мужчина хозяйничает на моей, в общем-то, скромной кухне.

Я купила эту квартиру уже с ремонтом. В тот момент она казалась мне верхом мечты – светлая, небольшая, с огромным балконом, с теплыми полами, да еще и в чудесном месте. Я и сейчас продолжала также думать, но высокий и широкоплечий мужчина смотрелся тесновато. Он нацепил мой передник, закатал рукава свитера, а затем принялся ловко взбивать смесь в бутылочке для щенка, что уже возился у моей груди с постаныванием. Едва соска прикоснулась к губам животного, оно тут же присосалось, жадно работая ротиком, отчего в уголках образовалась молочная пена, а недавно открывшиеся глазки закрылись. Лапками щенок наминал покрывало, и выглядел в этот момент так умильно, что я почти готова была прослезиться.

– Ну вот, как хорошо сосет, значит, выживет, – удовлетво-

ренно заявил Денис, сидя на корточках у моих колен и глядя снизу вверх своими каре-зелеными глазами с лучиками улыбки в уголках. – Это я как врач авторитетно заявляю!

– Не представляю, что мне с ней делать, – растерянно отозвалась я. – Я ж вообще не планировала никого заводить.

– Ну, можно объявление дать, вдруг кто именно о такой собаке мечтал. Ты посмотри, она ж сейчас просохла, беленькая, как снежок. И нос черный, как у медвежонка Умки. Давай ее Умкой назовем? А если кто захочет ее взять, то уже сам пусть над именем и думает.

– Давай, – я погладила носик собачки пальцем. – Раз уж у нас не задалась прогулка, может, закажем еды с ресторана?

– Нет, я буду поражать тебя своим кулинарным искусством! – заявил Денис, поднимаясь на ноги. – Ты хоть раз видела, как готовят мужчины? – приосанился он.

– Мой папа любит готовить! – фыркнула я насмешливо. – Но ты можешь попробовать поразить меня!

– И поражу! – угрожающе произнес он, а затем принялся доставать из пакета продукты, что закупил в местном супермаркете.

Среди них оказался кусок говядины, специи, несколько картофелин, лук, морковь, и что-то еще, я не успевала следить.

– Так, где тут у тебя бокалы? – осведомился мой гость, выживая бутылку вина. – Какая готовка без аперитива?

Я махнула рукой на шкафчик, указывая, где у меня хра-

нились бокалы и прочая посуда и вскоре уже смогла наслаждаться рубиново-красным вином с терпкими нотами.

– Знаешь, всегда думал, что иностранное вино лучше нашего, – Денис ловко нарезал мясо, отправляя его на шкворчащую сковороду, – но мой приятель в один из приездов свозил на экскурсию на местный винзавод. И я был приятно поражен качеством вина и вкусом. Не хуже, даже, я б сказал, лучше, чем европейское. Тебе как?

Я кивнула. Живя в Геленджике, невозможно не знать о местном винзаводе. Я тоже там была на экскурсии в свое время, и приятная тетечка-экскурсовод так заразительно рассказывала о мадам Фирсовой, что открыла этот завод много-много лет назад, что я даже прониклась духом истории и одно время собиралась писать роман о том времени. Но потом передумала. Все же современные дамы с их переживаниями привлекали меня больше.

(Автор сейчас с печалью вспоминает винзавод г.Геленджика, закрытый пару лет назад. Там изготавливали превосходные вина и шампанское, последние бутылки у нас закончились в прошлом году, покупали ящиками просто в запас, и вот теперь уже нет завода, к сожалению. Эпоха мадам Фирсовой закончилась)

Наблюдая за Денисом, я мысленно перенеслась в свою книгу, герои которой сейчас боролись за счастье. Каждый за свое.

«– Итак. – Герцог Лернийский сознательно сделал точку

в предложении из одного слова, глядя на то, как босоногая оборванка лежит, раскинув руки, на его кровати. Одежда девчонки была настолько грязна и наверняка кишела насекомыми, что все постельное белье и покрывало придется выбросить. Дернув уголок губ справа, мужчина вздохнул, затем спросил: – Что ты делаешь?

– Лежу, – лаконично отозвалась девица. – Мягко. Слушайте, а зачем вам девственница? Вы меня жрать будете, да?

Представив, как он *вот это* будет жрать, Лернийский мысленно содрогнулся. Фу! И почему о драконах ходят такие слухи? Жрать девку! У него при мысли о человечине тошнота к горлу подкатила.

– Вы, наверное, пьете кровь девственниц, чтобы оставаться молодым и красивым, – задумчиво продолжила замарашка, почесывая одну грязную пятку о другую. – Вон у вас какая морда холеная.

– Морда холеная? – ледяным тоном переспросил герцог, желая вышвырнуть это существо из дома немедленно, отмыть все места, где оно изволило полежать, и забыть, словно страшный сон. – Ты думаешь, я вампир, что ли, кровь пить?

– А иначе зачем вам девственница? – села на кровати девица. – Все знают, что драконы едят девушек, чтобы жить долго и счастливо!

Ей было смешно. Всю свою недолгую жизнь она прожила в конюшне, спала в старом деннике на куче соломы, укрываясь в особенно холодное время куском коровьей шкуры, и

зимой и летом ходила в одном и том же наряде, а уж чтобы помыться, и не мечтала. Летом, правда, ей удавалось совершать акты чистоты в местном озере, но делать это приходилось быстро и ночью – местные мальчишки донимали ее своим присутствием, сочтя легкой добычей, и приходилось частенько драться за свою честь. Однажды они ее все же поймали толпой, растянули за руки и за ноги, и уже хотели насильничать, но благодаря вони от тела не смогли. И чем ее теперь мог напугать этот вот дракон? Тьфу!»

Я задумчиво смотрела на спину Дениса. Теперь я знаю, как будет мой Лернийский выглядеть. Раньше герои становились похожими на всяких голливудских красавчиков, никто ж не хочет читать о страшном как демон мужчине, в которого влюбилась героиня. Все хотят красоты и возвышенности – он красавчик, она красавица, он вредный, она его перевоспитывает, потом они женятся и рожают семерых детей. На этом зиждется современный любовный роман. Но я в этот раз решила написать фэнтези про магический мир, в котором живут драконы, эльфы, всякие там дриады и наяды с фавнами, и потому могла себе позволить мечтать и представлять главного героя таким, как вот этот вот стоматолог, колдующий в моей кухне. Кстати, запах от его варева исходил умопомрачительный.

– Скоро будет готово! – возвестил мой гость, наливая еще вина в мой бокал. – Ты, смотрю, заскучала? Ничего, что я так у тебя тут хозяйничаю? Просто не готов после купания

идти куда-то, трусы мокрые, ну и вообще...

– Ой! – я вскочила. – Давай, я тебе полотенце дам, сходишь в душ. Ты ж, и правда, мокрый весь!

За своими переживаниями о собаке я совсем забыла, что Денис-то ради ее спасения плавал далековато от берега, и сейчас, оставив бокал, пошатнулась – вино ударило в голову, заставив закружиться и поплыть окружающий мир перед глазами.

– Поймал! – обвил мою талию одной рукой стоматолог, второй держа деревянную лопаточку. – В душ, говоришь? А ты со мной?

6

– Конечно! – фыркнула я насмешливо, глядя снизу вверх в смеющиеся глаза Дениса. – бегу и падаю, волосы назад. Спинку не потерять?

– А ты думала, зачем я тебя туда зову? – деланно изумился мой гость, выгибая бровь. – Что за грязные мысли в твоей голове, женщина? Ты, никак, хочешь покуситься на мою честь?

Дениса, похоже, забавляла эта ситуация. Он откровенно смеялся сейчас, и я тоже ощущала эти пузырьки веселья в крови. Мне с ним было легко и беззаботно, несмотря на то, что еще недавно пришлось вместе хоронить погибшего щенка, и та ситуация ну никак вообще к веселью не предрасполагала.

– Ну, если уж ты мне спинку потерять не хочешь, так хоть полотенце чистое давай, – Милованов вздохнул, нехотя убирая руку с моей талии. – В идеале бы, конечно, трусы, что-то я не подумал их купить. Вот, хочу я тебе сказать, Настя, еще ни разу я не просил у женщины трусы. Это так банально, ты не находишь?

Я снова фыркнула.

– Я тебе дам полотенце, ну и еще могу выдать треники моего папы, он их тут оставил на всякий случай. Они чистые, но ношенные. Правда, ты чуток... ммм... повыше па-

пы и похудее, но зато будет сухо и тепло. У тебя ж уже даже джинсы мокрые.

Я скосила глаза в район ширинки мужчины, и тот тоже туда взглянул.

– Какой конфуз! – покачал он головой. – Так опозориться перед дамой в первое же наше свидание! Давай сюда свои треники, пожалуйста, и полотенце, и сделай мне чаю с лимоном, я у тебя там видел в холодильнике. Что-то знобит. Кстати, мясо я там на маленьком огне оставил, ты следи, чтоб не пригорело. Выйду и картошку туда покрошу.

– Может, я? – спросила его на всякий случай, хотя вовсе не горела желанием сейчас заниматься готовкой.

– Ни в коем случае! – резко бросил через плечо гость. – Я сам!

Он ушел в душ, и вскоре зашумела вода, а я прошла в кухню, включила чайник и уставилась на пыхтящую сковородку на плите. Мда, Настя, даже свидания у тебя по-человечески не получаются. Вместо того, чтоб находиться сейчас в кафе, вкушая вкусную еду и вино, сидишь дома с посторонним мужиком и спящим щенком.

– Умка! – проворчала я, прикрывая белую собачку плотнее. – Нашел медведя, тоже мне. Это, скорее, волкодав, – и задумчиво добавила: – им волки давятся.

Денис вышел спустя минут десять, одетый очень смешно – в свою футболку и спортивные штаны моего отца, которые были ему малы в росте, но велики в талии, и ему пришлось

их подвязать пояском от моего розового халата, что висел в ванной. Смотрелось это весьма комично, и я приснула, глядя на босые щиколотки и волосатые пальцы с ухоженными ногтями гостя.

– Видел бы меня сейчас мой товарищ Козинский, – мрачно изрек Денис, глядя на свое отражение в зеркале. – Он бы умер от зависти. Это инсталляция или перфоманс, что там современное искусство говорит?

– Это очень смешно! – уже не выдержав, захохотала я. – Можно, я сделаю фото? Я буду шантажировать тебя им, вымогая миллионы!

– Это прям вообще не смешно! – все также мрачно продолжил Денис. – Твой отец, похоже, ростом с тебя?

– Ну, он не высокий, да, – продолжая улыбаться, ответила я. – И круглый. Идеальная фигура – шар, я б сказала. Моя мама – учитель математики, она над ним так всегда шутит. Зато он добрый и очень хороший человек.

– Чаю хочю! – потребовал Денис, шлепая босыми пятками в кухню. – Где мой чай с лимоном, женщина?

– В чайнике! – не моргнув глазом, уселась я на стул. – Тут места маловато для двоих, так что либо ты у руля, либо я.

– Куда я попал? – театрально закатил глаза Денис. – Ты как моя сестра, та тоже все время находит отговорки, лишь бы ничего не делать. То ей кухня тесная, то плита не та, то вообще настроения нет. И приходится ее мужу ишачить, как Золушке. Ничему-то вас в школе не учат! Так, иди уже тогда

и ложись в позе красивой на диване, что ли. Я буду вдохновляться твоим видом. Можешь даже голая, так больше вдохновения.

– Боюсь, ты переоцениваешь мои вдохновительные возможности, – покачала я головой. – Как бы у тебя и вовсе потом не появилось желание отсюда сбежать, сверкая голыми пятками.

– Может, это ты недооцениваешь свои возможности? – вернул мне фразу Денис, доставая чашку из верхнего шкафа и наливая в нее кипяток, а затем бросая чайный пакетик. – Вот кто в нормальном обществе сейчас пьет чай из пакетиков, Настя? У тебя что, чайника нет для чая?

– Ну а с чего ты взял, что ты попал в нормальное общество? – иронично вскинула я бровь.

Мне все нравилось в этом парне – и то, как он двигается, и его фигура, и завитки волос у шеи сзади, которые так и хотелось потрогать пальцами. Внутри словно все вибрировало от удовольствия, что он просто рядом, вот так вот со мной, и я ощущала себя пятнадцатилетней девочкой, у которой внезапно в гостях оказался ее кумир.

Мужчина двигался по кухне, что-то говоря, а я следила за его губами, что изгибались в разговоре, и мысленно проваливалась в свою книгу, уже представляя, как буду описывать Лернийского.

« – Господин, а что, если мы отошлем эту девственницу кому-то другому? – опасливо поинтересовался дворецкий

Герберт, тщательно прикрывая за собой дверь и прислушиваясь к звукам за ней.

Герцог Максимус Лернийский сидел в кресле у камина, поставив правую руку на подлокотник и уронив на нее голову. Лицо его было мрачным, брови сошлись к переносице, и весь вид выражал крайнюю степень раздражения. Герберту даже показалось, что на висках господина проступила серебристая чешуя. Очень плохо, очень!

– Куда? – прорычал в ответ Максимус. – Ты представляешь, что будет, если я кому-то этот ... «подарочек» отправлю? Мне нужна была чистая девушка, невинная, помощница в моих делах, а не это вот ... чудовище! Она хоть отмылась? – с надеждой поднял он голову и, получив едва заметное отрицание, ударил по подлокотнику кулаком так, что кресло жалобно треснуло, а дворецкий громко сглотнул слюну. – Так помойте ее! Если надо – силой! От нее воняет так, что кажется, будто моя одежда насквозь пропиталась этим... Тьфу!

– Она... Не хочет, сэр! – сдавленно пробормотал Герберт, избегая смотреть в глаза герцогу. – Сказала, что ни разу... ни разу не мылась в подобных лоханях, и не... – он снова сглотнул слюну, – и не будет этого делать сейчас. Якобы, это портит цвет лица, сэр!

– Что портит? – брови Лернийского поползли вверх. – Она свое лицо вообще видела в зеркало?

– Подозреваю, что нет, – дворецкий мотнул головой. – Девушка совершенно дикая. Я успел расспросить старосту, тот

сказал, что она всю жизнь прожила на конюшне, ее кузнец приютил, но в дом не пустил, опасаясь слухов. В общем, совершенно несчастная жизнь, сэр! Я... Мне кажется, ей очень нелегко пришлось, этой девушке. И сейчас ей страшно. Она думает... Думает, что вы ее... сожжете! – последнее слово Герберт произнес шепотом, втягивая голову в плечи.

– Это она мне уже озвучила, – мрачно кивнул Максимус, брезгливо передернувшись. – У меня один вопрос – неужели во всей деревне не нашлось ни одной девственницы? Неужели все они там так распутны, что других днем с огнем не сыскать? И почему именно эта деревня, Герберт? Сколько их вообще в моих угодьях? Ты во все гонцов разослал? Давай просто вернем ее старосте, пока тот не успел далеко уехать?

– Да вы что? – истерически хихикнул дворецкий. – Едва мы приняли эту... девственницу, как деревенские тут же умчались, сверкая пятками. Похоже, она их тоже достала.

В этот самый момент раздался истошный крик, потом еще один, затем визг и следом нечеловеческий вой.

Переглянувшись, дворецкий и его господин, не стовариваясь, рванули к двери, едва не столкнувшись у выхода, и затем замерли у подножия широкой лестницы, устеленной ковровой дорожкой.

– Откуда был звук? – глухо пробормотал Максимус, и в этой время ледяный душ вой повторился. – Из гостевой спальни! Идем туда!...»

– Ну что, готова ли ты вкушать приготовленное мною блюдо? – грозно осведомился Денис, взмахнув лопаткой.

– Звучит как угроза, – заметила я, принохиваясь.

Вроде, ничего особенного он не приготовил – всего лишь пожарил картошку с мясом, но пахло так вкусно, что мой голодный желудок давно уже взял управление телом в свои руки и сулил этому красавчику-захватчику кухни все невысказанные блага. В рамках допустимого, разумеется.

– Это угроза и есть! – двинулся в мою сторону шеф-повар сегодняшнего дня. – Потому как если вдруг тебе не понравится, придется ублажать тебя другими доступными способами. Или убить.

– Слово «ублажать» мне нравится больше! – развеселилась я. – Давай сюда варево, я буду пробовать и хвалить.

– Вот! – назидательно поднял лопатку вверх Денис. – Ты мыслишь правильно. Я удивляюсь, почему ты с такими принципами еще не замужем. Хотя, мне это сейчас на руку, поэтому будем ужинать.

Он ловко разложил ужин по блюдам, украсил веточками зелени, а затем разлил по бокалам вино.

– Ну, Настасья, за знакомство? – предложил тост мой гость, после чего кивнул на тарелку. – Ты ешь-ешь, у меня еще культурная программа заготовлена, так что тебе нужно

основательно подкрепиться.

– Культурная программа? – вздёрнула я иронично бровь.

Этот жест был у меня от папы. Юморной по натуре, отец часто шутил, и я привыкла, что можно много смеяться в семье. К сожалению, ни разу еще мне не встречался мужчина, готовый терпеть подшучивания. Но не Денис. Он заулыбался, вновь демонстрируя ямочку на щеке.

– Ну конечно! – воскликнул с хрипотцой. – Не думала же ты, что я накинусь на тебя, срывая трусы и ведя себя, словно мамонт в гоне. Или думала?

– Про трусы или мамонтов? – на всякий случай уточнила я. Мало ли что.

– Про меня, Настя! – слегка обиделся Денис. – Скажи еще, что ты не готовилась к свиданию!

– Ну почему, готовилась, – задумчиво нахмурилась я. – Дай подумать.... Мммм... Ну да, расчесала волосы и почистила зубы. Этого достаточно?

– Язва! – Денис аппетитно захрустел луковым пером. – Ну, раз ты полностью готова к поцелуям, ешь лук. Он богат витамином С, а мне сейчас после купания как никогда нужны положительные эмоции. И витамин С! Ты знаешь, что во время поцелуя вырабатываются эндорфины? Это я тебе как доктор говорю. Поэтому жуй и приступай к лечению.

– Вот так сразу? – я отправила кусочек мяса в рот.

Ммм! Восхитительно!

– Ну да, а ты хочешь дождаться, пока я тут при смерти

буду лежать?

– Не, при смерти точно не надо, – отпив вино, я на всякий случай взглянула в смеющиеся глаза Дениса.

– Вкусно? – он внезапно потянулся к моей тарелке, наколот на вилку картошку и поднес к моим губам. – Пробуй. Я добавил сметану, так бабушка моя делала. Ну?

Открыв рот, я позволила ему кормить себя, ощутив в эту минуту невероятное возбуждение. Никогда в жизни у меня не было более эротичного момента. Отчего-то вино ударило в голову сильнее, заставив меня податься вперед и медленно облизнуть губы, глядя прямо в глаза гостю. Тот тоже склонился, глядя сверху вниз на меня, отставил бокал, потянулся вперед, вынимая из моих ослабевших пальцев вилку.

– На всякий случай отложим оружие, – пробормотал Денис, прежде чем легонько коснуться губами моего рта.

В какой момент он оказался на своем стуле так близко от меня, я не заметила, и сейчас оказалась буквально между ног у него, стиснутая сильными руками.

– Ты такая аппетитная, Настя, – пробормотал он мне в угол рта. – Словно булочка вся, мягонькая, ароматная.

Отпрянув, я широко открытыми глазами уставилась на него. Он что, назвал меня толстой?

– Ну куда ты, бояка? – Денис со скрипом подтащил мой стул вместе со мной к себе теснее. – Трусишь? М?

Уперевшись ему в грудь обеими ладонями, я чувствовала под ними жар и биение сердца, и сама дышала часто и тяже-

ло, будто долго-долго бегала.

– Ужин остынет, – пробормотала, скосив глаза на тарелку.

– Верно, – Денис тут же наколол на вилку кусочек мяса. –

Открывай ротик, – и поднес кусочек к моим губам.

Послушно сняв с вилки кусочек, я принялась жевать его, глядя в потемневшие глаза Милованова. Он наблюдал, как я жую, и, едва удалось проглотить, как снова поднес к моим губам порцию.

– Так и будешь кормить меня? – смущенно пробормотала я, откидываясь на спинку стула.

– Угу, – кивнул с ухмылкой. – Никогда этого не делал. Очень сексуально.

– Мы уже говорим о сексе? – бровь против воли поползла вверх.

– Еще пока нет, но активно думаем, – понизив голос, едва не шепотом выдохнул гость. – Ты думаешь о сексе?

Если б до этого я не думала, то после такого б точно начала. Но пожар в крови уже разгорался, и мысленно я представляла себе продолжение вечера, хотя изначально вообще не рассчитывала, что у нас дойдет даже до поцелуев. Видимо, на меня так действует вино и интимная обстановка.

– Ты ничего не ешь! – выпалила я, наконец, отодвигаясь со скрипом на стуле и хватая бокал с вином.

– Ты трусиха, Настя! – откидываясь на спинку, иронично заметил Денис.

– Ничего подобного! – обиженно выпаливаю и тут заме-

чаю, как он взял вилку в руки и отправил в рот кусок мяса.

Отчего-то это движение вызвало волну мурашек по телу. Никогда не думала, что поедание пищи мужчиной может выглядеть настолько эротично! Обычно с женщинами связывают всякие такие моменты, и я сама неоднократно в книгах кормила героинь клубникой, а герой в это время испытывал муки страсти. Теперь же роли поменялись. Денис жевал, глядя мне в глаза и ничего не произнося, а я сгорала от нетерпения вновь ощутить поцелуй.

– Ешь! – приказал он мне, кивнув на тарелку. – Или ты хочешь, чтоб я тебя покормил?

Молча взяв вилку, я принялась жевать тоже, хотя есть уже не хотелось. Всегда была противницей секса на первом свидании, но, как говорится, никогда не говори «никогда». Сейчас я была готова к этому. И даже более того, рассчитывала на то, что мне отломится этот лакомый кусочек, Денис Милованов, который отчего-то выбрал меня. Он ведь не просто так сюда пришел?

«– Ваша Светлость! – экономка, пулей вылетевшая из гостевой комнаты, была взлохмачена, на щеке ее набухла кровавыми каплями царапина, платье намокло, куски мыльной пены покрывали руки. – Эта... Эта... Девственница ваша, сэр! – возмущенно ткнула она пальцем себе за спину. – Это совершенно невозможное существо! Я отказываюсь ее мыть! И вообще, разбирайтесь с ней сами! Вы и Герберт вот, у вас должно получиться! Дикарка!

Проводив кипящую гневом дородную женщину взглядами, дворецкий и его господин переглянулись.

– Я, пожалуй, тут подожду! – пробормотал Герберт. – А вы идите, сэр. Ну, может, она вас послушает?

– Да? – ледяным тоном осведомился Лернийский. – А я не уверен.

– Зовите на подмогу, если что! – трусливо кивнул дворецкий, берясь за ручку двери и распахивая ее перед господином.

Максимус ступил в комнату, хмуро оглядываясь.

Щелчок дверного замка едва не заставил его вздрогнуть от неожиданности, но герцог буквально заставил себя даже не обернуться. Глазами он обшарил все углы, особенно заострив внимание на большой лохани, что принесли слуги из его комнаты. Замок этот был древний, и герцог предпочитал жить в столице, где и удобства были современные – водопровод, канализация – и слуги порасторопнее. Здесь же все еще приходилось пользоваться усилиями рабочих, чтобы наполнить огромную чашу водой, а затем слить ее, и Лернийский ждал момента, когда сможет уехать.

– Эй?! – позвал он, так и не увидев девчонки. – Ты где?

– В **зде! – отозвалась она глухо из-под кровати. – И не вылезу, пока отсюда не унесут эту адову кастрюлю!

– Это не кастрюля, это ванна для мытья.

– Вот и мойтесь в ней сами! – буркнула в ответ замарашка. – А я не буду.

– Будешь! – начал раздражаться Максимус.

Он прошел через всю комнату до угла, где стояло кресло и уселся в него.

– Ты сейчас вылезешь оттуда, – едва сдерживая гнев, сказал он, – разденешься и влезешь в эту лохань. Иначе я сам тебя выволоку и вымою. Понятно?

– Да ну? – ехидно заметила девица. – Кровать-то у вас тут огромная, не поднять! А сама я не вылезу.

– Ты думаешь, у меня не хватит сил поднять кровать? – не поверил Максимус.

Она что, не знает о колдовской силе, что обладали драконы? Да что это за девчонка, мать ее женщина?!

– Неа! – весело отозвалась та, и даже, как показалось герцогу, высунула язык при этом. – Вы не похожи на нашего кузнеца, а уж тот силушкой не обделен. Но и у него б мощи не хватило такую махину сдвинуть!

Начиная закипать, мужчина побарабанил пальцами по подлокотнику, а затем испепеляющим взглядом посмотрел на кровать. Он хотел всего лишь поднять ту к потолку, но, видимо, был слишком зол, и потому старинный предмет мебели попросту осыпался пеплом, сгорев в невидимом пламени вместе с постельным бельем и матрасом, обнажая покрытую пылью девчонку, что с удивлением приоткрыла рот, становясь в этот момент похожей на рыбу. Быстро сориентировавшись, она вскочила с места и пулей метнулась к двери, подёргала ручку, но та не поддавалась, затем к окну, но и там ее

постигла неудача, а затем забилась в угол, схватив подсвечник с прикроватной тумбочки и выставив его перед собой, словно саблю.

– Не подходи! – панически взвизгнула она, глядя, как Лернийский поднялся с места и медленно пошел на нее. – Убью!

– В моем доме нет замарашек! – холодно заметил герцог, приближаясь к трясущейся от страха девушке. – И ты сейчас будешь мыться. Это не страшно, это не больно, это всего лишь вода и мыло.

– Я буду кричать! – пригрозила ему девственница.

– Ты полагаешь, меня это остановит? – иронично ухмыльнулся Максимус.

– Аааааа! – завизжала замарашка, и это окончательно выбесило герцога.

Вырвав из тонкой руки подсвечник, он швырнул его с такой силой, что тот вонзился в стену, а затем перехватил брыкающуюся девицу поперек талии и в два шага оказался рядом с лоханью.

– Ты будешь мыться, грязнуля! – воскликнул мужчина, погружая девушку прямо в одежде в лохань.

Одной рукой он прижал извивающееся тело к дну ванны, второй же срывал тряпье с худого тела, и вскоре окончательно обнажил чумазую гостью. Однако, та не собиралась так просто сдаваться. Вцепившись зубами в запястье герцога, девушка подскочила, кинулась на него, обвивая руками и ногами, а затем укусила за ухо, отчего Лернийский потерял рав-

новесие и со всего размаху булькнулся в ванну вместе с ней, взметнув сноп брызг...»

8

– Насть? – после ужина Денис собрал посуду, составил в раковину и, прислонившись ягодицами к столешнице, скрепив руки на груди, взглянул на меня.

Я в этот момент допивала последние капли вина и явно не ожидала вопросительной интонации. Что, началось? Вот прям шас будет секс? Но Милованов удивил меня.

– Слушай, а парацетамола нет у тебя? – хмуро поинтересовался шеф-повар сегодняшнего настроения. – Похоже, я все же заболел, а мне никак нельзя, завтра еще лекция будет на целый день, я должен быть огурцом.

– Есть, – поднявшись, я ощутила приятное головокружение от вина, но хорошее настроение безвозвратно исчезло.

Это ж надо так, на первом свидании с парнем я буду словно его мамочка. Может, это судьба? Вернее, не судьба?

Пришлось доставать свою коробку с лекарствами. Надо сказать, пока я работала в университете, болела часто, и сюда привезла с собой доверху забитую аптечку, в которой в том числе были и таблетки от давления, что начало шалить после двадцати пяти лет. Как сказал мне кардиолог, если сменить режим труда и отдыха, все должно нормализоваться, и оказался прав – вот уже года два как я из лекарств пару раз только парацетамол использовала, и тот однажды при простуде, а второй раз соседка попросила. Интересно, срок годности

не вышел?

– Тебе повезло, Денис, до конца месяца эти таблетки еще на светлой стороне силы, – пошутила я, протягивая парню блистер. – Если б ты ко мне в мае приехал, было б поздно.

– Вот так вот и умрешь тут от насморка, – мрачно пошутил он, запивая лекарство водой. – Так, я вообще-то не рассчитывал у тебя оставаться на ночь, но прямо сейчас мне необходимо лечь головой на твои колени, и чтоб ты меня жалела и приговаривала, какой я хорошенький, и как все будет прекрасно, когда поправлюсь. Сможешь организовать?

– Ну прям не знаю, – засомневалась я, – столько всего и сразу, это сложная задача. И потом, я не врач.

– Это будет наша ролевая игра! – заулыбался внезапно хитрый лис, являя ямочку на щеке. – Ты будешь доброй медсестрой, а я...

– А ты смертельно больным дедушкой? – усмехнулась, не давая ему договорить.

– Почему дедушкой? – не понял он.

– Ну, только дедушки ходят в таких трениках, подвязанных розовым поясочком.

– Снять? – Денис взялся за узел, будто в раздумьях хмуря брови, медленно растягивая пояс, отчего старые папины треники поползли вниз.

– Стой! – я в панике подскочила к нему и схватила за бедра, не давая им оголиться. – К такому меня жизнь не готовила! Пожалуй, давай сюда свою голову, я буду говорить, какой

ты классный, ну и вообще, всячески способствовать твоему выздоровлению.

– А может, и не на колени, – задумчиво проговорил мужчина, глядя сверху вниз на мою грудь, что сейчас оказалась в сантиметре от его тела.

Кстати, никогда не понимала ажиотажа, что охватил девчонок, и они сломя голову бежали за силиконом, увеличивая размеры бюста на два-три номера. Это неудобно, это потеет летом, на это фиг подберешь белье, потом болит спина, у лифчиков большого размера априори не бывает тонких лямок, ибо они просто не удержат это богатство, ну и, в общем, стеснялась. Грудь у меня выросла еще в седьмом классе, и я вечно служила предметом насмешек мальчишек, привыкла сутулиться, чтоб хоть немного скрыть это «богатство», и потом долго боролась с собой, расправляя плечи и держа осанку весь день усилием воли.

– Мда, – Денис продолжал задумчиво смотреть вниз.

– Чего? – я отступила на шаг, убирая руки с его бедер, и трусики тут же сползли еще ниже.

– Ничего, – он перевел взгляд выше, улыбаясь. – А что ты делаешь завтра вечером?

– Ты меня на свидание хочешь позвать? – буркнула, стараясь не глядеть вниз.

– Не совсем, – задумчиво отозвался он. – Завтра меня мой приятель позвал отметить завершение учебного сезона в ресторане. Летом мы никуда не выезжаем, начнем новый этап

обучения уже осенью, и в этот раз хотим расширить ареал в сторону Сибири и Урала. Ну и, в общем, будет типа банкета с коллегами.

– Я ж не стоматолог, – возразила я, уже мысленно прикинув, что идти-то мне и не в чем.

– Ты думаешь, там все стоматологи? Они пойдут со своими женщинами, а я один, сестра в Москве, а компания Козинского мне уже поднадоела. Ну ты как, согласна? Если да, то пошли сейчас меня лечить, мне надо будет уехать к себе, начало лекции в девять, надо успеть переодеться.

– А ты уверен, что именно колени тебе помогут? – у меня было такое чувство, что вот сейчас совершается обман века.

И вот, вроде, лет мне не восемнадцать, давно взрослая тетька, но едва стоило этому товарищу сделать оленьи глаза, как я тут же растаяла.

– Помогут, конечно! – авторитетно заявил Денис. – Давай быстрее снимай штаны и садись поудобнее, я готов принимать лечение.

– Снимать штаны? – глаза мои стали квадратными и в два раза больше.

– А ты меня через джинсы лечить собралась? – оскорбился мужчина.

– А трусы оставить? – ехидно поинтересовалась я, хмыкая.

– А они кружевные? – с интересом взглянул в сторону моей попы Денис. – Если нет, то снимай. Лечебные женские

трусy – кружевные.

– Слушай, так, может, я тебе просто трусы и выдам, раз они такой силой волшебной простудной обладают? – сдерживая смех, прокомментировала его заявление. – Возьмешь их с собой, будешь прикладывать к больному месту. И почему их в аптеке не продают?

– Они без женщин не работают. К больному месту надо прикладывать только те трусы, что надеты на женщину, иначе никак. Ну, я долго тут буду умирать у тебя?

– От простуды? – хмыкнула я.

– Ну, – Денис прошел в гостиную, совмещенную с кухней, уселся на диван и похлопал рядом с собой. – Давай, Настя, не жопься, ты должна спасти завтрашнюю лекцию.

Я медленно дошла до дивана, села рядом с Денисом, повернулась к нему и сказала:

– Джинсы не сниму!

– Да? – он скептически скривил губы.

– Ну! – с вызовом ответила я.

– Посмотрим, что ты запоешь сейчас! – я не поняла, как оказалась лежащей на лопатках под мужчиной, а его руки щекотали меня в самых неожиданных местах.

Я с детства боюсь щекотки, и моя школьная подружка, зная этот секрет, периодически шантажом вынуждала давать списывать домашку, потому как стоило только ей поднести палец к моему боку, я тут же начинала хохотать, словно сумасшедшая. Вот и сейчас Денис сквозь футболку едва толь-

ко провел от бедра до подмышки, как я хрюкнула от неожиданности и закусила губу.

– Не смей! – сдавленно прошептала, и в следующую секунду уже не сдержалась и засмеялась. – Аааа, Денис, не надоооо!

– Снимешь джинсы? – грозно спросил он, на секунду прекращая свою подрывную деятельность.

– Нннеет! Ха-ха-ха-ааа! – я извивалась, стараясь сбросить его с себя.

– Значит, продолжим!

Я не знаю, как ему удавалось руками быть сразу во многих местах, и все из них оказались чувствительными к щекотке.

– О бооооже, Денис, хватит! – взмолилась я, едва он затих, глядя на меня сверху вниз с улыбкой. – Я больше не выдержу.

– Хилая ты, Настя! Не было у тебя брата в детстве, да? – заулыбался он еще шире. – Пока не дашь мне положительный ответ, буду щекотать тебя! Ты знала, что от щекотки можно умереть? – и снова коснулся моего бока пальцами.

– Я все равно не сниму джинсы! – хрюкая и извиваясь, стонала я от смеха. – Это низко, так поступать со мной!

– А со мной? – мужчина задумчиво остановился. – Между прочим, я – самый больной в мире человек!

– Хочешь варенья? – хихикнула я. – Малинового!

– Малинового? – он внезапно скосил глаза на мои губы и задумчиво вздохнул. – Пожалуй, от сладкого не откажусь, – и медленно склонил голову, прикасаясь в едва уловимом по-

целуе, который внезапно перерос в нечто большее, и вскоре язык Дениса сплелся с моим, вызывая пожар внутри и желание стянуть и джинсы и все остальное с себя немедленно.

«– Да чтоб тебя! – Лернийский поднял голову, с волос стекла вода, глаза метали молнии.

Девушка, оказавшаяся под ним в ванне, была странно тиха. Бледное лицо ее, покрытое грязными пятнами, в этот момент показалось герцогу даже прекрасным, но абсолютно безжизненным. Рот был слегка приоткрыт, веки опущены, щеки слетела вся краска, мелкие синеватые сосуды проглядывали сквозь тонкую кожу.

– Ты умерла что ли? – рявкнул мужчина, подскакивая и тряся девочку, словно грушу.

Худое тело в его руках казалось почти детским, если не считать небольшой груди, на которую герцог сейчас даже не обращал внимания. Тихий вздох, слетевший с губ девочки, привел Максимуса в волнение. Он сел в ванне, укладывая замарашку поверх себя и глядя, как она медленно приходит в себя.

– Ты! – едва сознание вернулось к девушке, она подскочила и закашлялась. – Ты едва не убил меня!

Герцог сжал губы, сдерживая себя, чтоб не ответить резко, втянул ноздрями воздух, затем прищурился, скользя глазами по худому телу, что гневно тряслось перед ним. Вонь, коснувшаяся его ноздрей, заставила слегка поморщиться.

– Ты воняешь, – медленно произнес он, затем вздохнул –

все же вся эта возня порядком утомляла.

Какой черт дернул его именно сейчас решить взять себе помощницу? Чего б не побыть еще дома, наслаждаясь спокойствием и безмятежностью? Век-другой, и, глядишь, никакие девственницы не понадобятся, все будет работать и без них.

– Хочешь, я тебе денег дам? – внезапно предложил он. – купишь себе дом в своей деревне, и забудем как страшный сон, что ты здесь побывала.

– Вот еще! – рявкнула девица, гневно тряся мокрыми волосами.

Она опасливо смотрела на герцога, сидя напротив в ванне в явно невыгодном положении – голая и беззащитная. Почти. Руками девушка прикрывала грудь, колени подтянула к животу и смотрела диким зверьком с опасным блеском в глазах. Максимус опасался делать лишние движения, чтобы не спугнуть эту фурию. Надо как-то успокоить ее, но как это сделать в сложившейся ситуации, он не знал.

Вообще, дамы сами готовы были пригнуть к нему в ванну, голенькие, аппетитные, счастливые, а не вот такое недоразумение, готовое выцарапать глаза всем окружающим.

– Как тебя зовут? – осторожно положил он руку на бортик ванны, и тут же получил горящий гневом взгляд в свою сторону.

– Не твое собачье дело! – огрызнулась девушка, шаря глазами в поисках своей одежды.

Едва она заметила кучку грязного тряпья возле ванны, как гневно затрепетала ноздрями, открыла рот, затем закрыла, хмыкнула, скривила губы и уставилась на Лернийского.

– Давай сюда свой пиджак! – скомандовала нахалка, ткнув пальцем в герцога. – Ты порвал мою одежду, а я заберу твою.

– Нет, – как ни странно, но ситуация начала забавлять Максимуса.

Ему стало даже интересно, как девица будет выходить из положения.

– Я готов пойти на компромисс, – сказал он, и понял, что она не уловила смысла этого слова. – Соглашение. Договор. Я сейчас выхожу из ванны, оставляю тебя одну, ты моешься с использованием мыла, в том числе голову, а затем надеваешь ту одежду, которую тебе предоставят.

– Не буду! – упрямо мотнула головой девушка. – Я сюда не сама попросилась, и меня все в моей жизни устраивало! Я такая, какая есть.

– Свинья? – иронично вскинул бровь герцог.

– Сам ты свинья! – гневно плеснула в него водой нахалка, а потом вдруг взвилась вверх и кинулась на мужчину с диким визгом, намереваясь явно лишить того жизни.

Не ожидавший нападения Максимум только и сумел схватить ее за запястья и развести руки со скрюченными пальцами в разные стороны, отчего девица потеряла равновесие и полетела прямо грудью в его лицо, ткнувшись мягким соском в рот...»

– Так, ты самый больной в мире человек! – отпихнула я Дениса, ощущая, как зацелованные губы горят.

– Почти, – мужчина склонил голову набок, разглядывая мое лицо и щурясь при этом. – Мне значительно полегчало.

– Ну вот, значит, в лечении кружевными трусами ты не нуждаешься! – тут же воспользовалась я ситуацией.

Вообще, конечно, белье я надела красивое, но вот являть миру свои не совсем стройные бедра не собиралась. Только если в темноте и под одеялом. А не так вот при свете лампы, пусть и не слишком ярко горящей.

– Вот так, значит, да? – задумчиво хмыкнул Денис. – Все ж щекотка не помогла. Даже и не знаю, удвоить усилия, или уже уйти несолоно хлебавши. Забьюсь в нору и буду плакать от бессилия. Полового.

– Жалко тебя, – участливо вздохнула я. – Прямо и не знаю, чем помочь. Говорят, морские гады помогают.

– Гады? – хмуро переспросил мужчина, устраиваясь на мне поудобнее.

– Ну! – кивнула я решительно, ощущая низом живота подробности мужской анатомии.

– От чего помогают?

– Так от полового бессилия! – простодушно заулыбалась я. – Ты ж сам сказал, плакать будешь. Съешь креветочку, вдруг поможет.

– Это надо еще разобраться, кто там гад, – пробормотал Денис. – Так, Настя, прекрати мне зубы заговаривать. У нас

с тобой договор вообще-то. И я его исполнил в полной мере, а ты вот нет.

– И о чем же договор? – ехидно хмыкнула я.

– Ну как, я тебя накормил? А ты за это обещала меня лечить всеми возможными способами. Малиной заманивала!

– Какой еще малиной? – возмутилась я. – Ты не путаешь ни с кем?

Мужчина готов был уже ответить что-то колкое и интересное, но в этот самый момент решила проснуться наша Умка, вклиниваясь в повисшую паузу своим горестным повизгиванием.

– Разбудила ребенка! – покачал головой Денис. – Орешь тут.

Он вскочил, придерживая спадающие штаны одной рукой, а второй подхватил лежавшую в покрывале собачку и прижимая к себе.

– Ну-ну, детка, не плачь, – заворковал негромко над свертком, растапливая мое сердце. Сейчас бы я, пожалуй, ему не только трусы позволила с себя снять, но и все остальное, настолько он был мил.

Денис чуть развернул покрывало, массируя животик согревшейся и успокоившейся собачки, отчего та блаженно прикрыла глазки и затихла, шевеля лапками с розовыми подушечками, а я уселась на диване, скрестив ноги, и наблюдала с улыбкой за новоявленным собачьим папашей.

– Слушай, тебе никак нельзя ее тут оставлять, она почув-

ствовала в тебе родную мать! – заявила я. – Забирай с собой в Москву!

– Ну уж нет! – отрицательно помотал головой Денис. – Я ее тебе оставлю, и буду приезжать к нашей собаке. Это мой официальный повод частых визитов.

– А неофициальный? – съехидничала я.

– А неофициальный, Настя, это ты. – Денис серьезно посмотрел в мои глаза. – Я все же надеюсь когда-нибудь полежать на твоих коленочках. Больно уж они мне понравились, мягонькие, словно булочки, и сама ты как булочка.

Вспыхнув, я не нашлась, что ответить, смущенно отвела взгляд и даже покраснела. Булочка, нашел же сравнение!

В тот вечер Денису пришлось уйти. Он и в самом деле чувствовал себя неважно, и потому сказал, что надо выспаться, а рядом со мной такой номер не пройдет, откланялся и поспешил к себе в гостиницу. Оставшись одна, вернее, с Умкой, я вынуждена была гуглить, как обращаться со щенками, не умеющими есть. Оказалось, масса нюансов с такими мелкими собаками, и ухода за ними не меньше, чем за детьми. Пришлось придумывать, как устроиться на ночлег, подрываться почти каждые два часа на кормление, и к рассвету я чувствовала себя выжатой, словно лимон. К счастью, Умка успокоилась после очередного приема пищи, уснула, и я тоже рядом с ней, продрал глаза только ближе к двенадцати дня. Ужас! Интересно, можно как-то организовать круглосуточный стационар в ветклинике, или найти кого-то, кому можно подложить щенка?

Ни на что не надеясь, я написала в домовый чат вопрос, нет ли у кого кормящей суки, и пошла заниматься своей книгой. Телефон пиликнул почти тут же, соседка по ЖК сказала, что у их свекрови недавно ощенилась собака, если меня устроит, что придется самой везти щенка на другой конец города, то его примут на пару недель, пока песель окончательно не окрепнет, чтобы жить с людьми. Пришлось брать такси и везти щеночка по адресу. Встретила меня улыбочивая

женщина лет шестидесяти, долго ахала над историей спасения, качала головой, умилялась тому, какая ж собачка беленькая, а затем аккуратно подложила своей собаке среднего размера, что в настоящий момент вылизывала потомство. Та приподняла голову, обнюхала подкидыша, подумала пару секунд, а затем прошлась по нему с головы до хвостика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.